

Ван Цюань сказал: «Как посмеешь искать учителя в городе? Если кто узнает, боюсь, в будущем за это место начнется настоящая драка. Я думаю, лучше нам всем тихо поучиться, чтобы остальные не подготовились. Во-вторых, у всех, кто учился, характер упрямый, вряд ли захотят учить таких, как мы, простолюдинов. Вот и подумал попросить вас помочь замолвить словечко, может, и получится.»

Он не сказал, что, когда впервые узнал об этом, тайком нашел в городе одного старого сюаца и купил кучу подарков. Но едва переступил порог и объяснил свои намерения, как его выгнали.

Все настоящие учёные здесь изучают слова мудрецов, кто же будет специально учить, как вести счета и подсчёты? Кроме тех, кто поколениями занимается торговлей или работает приказчиками, вряд ли кто специально изучает бухгалтерию. Даже те, кто умеет считать, считают это своим хлебом насущным, так что вряд ли станут учить других.

Но Ван Цюань и его друзья этого не знали и думали, что учёные на всё способны.

Староста посмотрел на Чжао Ба: «Сюцай Ду с тобой близок, что думаешь?»

Чжао Ба нахмурился: «Сложно сказать. Сюцай Ду в свободное время учит Фан Шэна читать да разбирать медицинские книги, но никогда не позволяет ему называть себя учителем. Говорит, что это просто братское общение, чтобы время скрасить. Ещё я слышал, как он с Ду Анем обсуждал, что, когда Цзинь-эру исполнится пять-шесть лет, наймут ему настоящего учителя для начального обучения. Если хорошего не найдётся и придётся учить самому сюцаю Ду, то только после того, как Цзинь-эр официально поклонится ему как учителю, поднеся чай. Видно, он не из тех, кто кого попало учит.»

Староста сказал: «Верно. Даже плотник или кузнец тщательно выбирает учеников, и полагается официальный обряд посвящения. Никто же просто так в ученики не берёт. Учёные, наверное, ещё более требовательны.»

Ван Цюань сжал зубы: «Я знаю, что дело трудное, иначе бы не прибежал сломя голову, едва услышав слухи. Наши братья, ты сам знаешь, на земле усидеть не могут, а солдатское жалованье — разве наживёшься? Если подвернётся такая лазейка, можно будет быстро состояние сколотить. Остаётся только просить вас, братья, помочь словом. Если получится, мы и поклонимся сюцаю Ду как учителю, и отблагодарим как положено. Если нет — отбросим эти мысли и поищем другой путь. В любом случае, хоть попытаемся.»

С этими словами он встал и глубоко поклонился старосте и Чжао Ба. Те вскочили и подхватили его: «Что ты? Мы же братья, к чему эти церемонии? Конечно, постараемся.»

Ду Чжунпин уже две чашки чая осушил, а Чжао Ба, потирая руки, вышагивал посреди комнаты, будто собирался пол протереть. Сделав пару кругов, он останавливался, смотрел на Ду Чжунпина, словно хотел что-то сказать, но, так и не решившись, снова принимался ходить.

Ду Чжунпин понимал, что у Чжао Ба какая-то трудная просьба, но не мог взять в толк, что именно заставило такого прямого человека так запинаться. Не решаясь заговорить первым, он просто наблюдал за этим хождением по кругу.

Чжао Ба думал и думал, но начать не получалось. Пару дней назад он встретился с бывшими сослуживцами, они вспоминали былые времена, и товарищеский дух вернулся на все сто. Поэтому вчера, за столом у старосты, поддавшись на уговоры Ван Цюаня, он и согласился замолвить словечко. Но вечером, обдумывая, как подступить к Ду Чжунпину, он вдруг почувствовал неладное: Ван Цюань — парень хитрый, и вчера за вином он, пожалуй, не всё

рассказал.

Из его слов следовало, что новость-то он узнал не вчера. Если он так на эту должность заряжен, почему же сидел сложа руки, пока она не уплывёт? На севере учёных мало, но они есть. Да и Ван Цюань в городе живёт — уж наверняка знакомых у него больше, чем у них, землелашцев. Почему же он ждёт именно сюцай Ду? Слово «сюцай» он от Юй Цяня в прошлый раз, когда в город ездили, мимоходом услышал — как же так крепко запомнил?

Раньше Чжао Ба ни за что бы так о брате не подумал, но, вспомнив деревенского Дин Саньгоу, невольно забеспокоился. Если бы дело касалось только его — куда ни шло, но если из-за этого пострадает семья Ду, как он потом людям в глаза смотреть будет?

Чжао Ба крикнул, поднял глаза и увидел, что все трое взрослых да один малыш неотрывно на него смотрят. Он покраснел, пробормотал: «К старосте по делу...» — и выскочил за дверь, будто спасаясь бегством.

К счастью, в доме у старосты было непривычно тихо — детей не было дома. Невестка Ван, увидев взволнованного Чжао Ба, поняла, что им нужно поговорить, поздоровалась и ушла по соседям.

Чжао Ба нашёл старосту и выложил ему все свои сомнения. Тот ответил: «Я вчера вечером тоже думал, и мне что-то не по себе. Ван Цюань, поди, не первый день об этой должности мечтает. Раз уж так хочет, почему бы не поискать учителя? Судя по его словам, он и затраты готов нести. Если и так не научился — значит, причина есть.»

Чжао Ба сказал: «Вот теперь и не знаю, как быть. Ван Цюаню мы уже пообещали, а к сюцаю Ду идти неловко. Мало ли какие последствия будут — потом и лица не покажешь.»

Староста поморщился, но бросить данное слово — не в его правилах. Он как раз планировал после праздников попробовать пристроить своего ребёнка к Ду поучиться — знал, что многие семьи об этом же думают, даже шурин просил.

Шансов было шести-семь из десяти: сюцай Ду, глядя на добрососедские отношения, вряд ли бы отказал наотрез. Если не откажет сразу, можно было бы, потерпев пару неудач, всё же уговорить. Да и учить бы он не даром — каждая семья заплатит, а в страду все помогут. Дети-то и не метят на учёные степени — лишь бы грамоте да счёту научились, чтобы в будущем на стороннем заработке больше получать.

Планы были хорошие, а теперь такая история... Эх, если уж есть причина не учить, а они пойдут просить — обидят человека, и тогда всем деревенским ребятишкам путь к учёбе заказан.

Как ни думал, староста всё же пошёл с Чжао Ба к Ду. Решил так: слово в слово передаст просьбу Ван Цюаня, а там уж как сюцай Ду решит — настаивать не станет.

Тем временем, после ухода Чжао Ба, Ду Чжунпин и Ду Ань переглянулись, не понимая, что за мысль крутилась в голове у того, кто, накрутив кругов по комнате, так ничего и не сказав, удалился. Долго ломали голову, но так и не поняли, в чём дело, и уставились на Фан Шэна.

Фан Шэн с самого прихода забавлялся с Цзинь-эром и на Чжао Ба, ходившего кругами, даже не взглянул. Теперь, когда тот ушёл, оба Ду смотрели на него, и делать вид, что ничего не происходит, было уже нельзя.

Чжао Ба вчера вечером рассказал ему о просьбе Ван Цюаня. Фан Шэн с братьями Чжао Ба не особенно водился, большой дружбы не было, поэтому, едва услышав слова Ван Цюаня, он почувствовал неладное.

Для Фан Шэна семья Ду была куда ближе, а с братьями Чжао Ба он и годами не виделся, да и при встречах говорить им было не о чем. Фан Шэн хорошо знал Чжао Ба: если уж он сам заподозрил неладное, то Чжао Ба, который куда проницательнее, и подавно должен был понять. Видимо, опять выиграло братское чувство — когда оно захватывает, этот человек обо всём забывает. Фан Шэн так разозлился, что с самого утра даже не взглянул на Чжао Ба.

Тут Фан Шэн подробно пересказал Ду Чжунпину и Ду Аню вчерашний разговор с Чжао Ба и добавил: «Он всегда такой — как дело до братьев доходит, так всё остальное забывает. Взятся за это дело, а если оно тебе в тягость, ты ему прямо откажи, не смущаясь, пусть запомнит!»

Помолчав, он добавил: «Только всерьёз на него не сердись — зла у него в сердце нет. Просто две чашки вина выпьет, и его уже в любую сторону завернёшь, на всё согласится. Если рассердился — дай ему повисеть в неведении пару дней, сам придёт извиняться.»

<http://bllate.org/book/16286/1467516>